

УДК 342.72/.73

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СЕМЬИ И СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Э. В. АЛИМОВ¹⁾, Н. С. МАЛЮТИН²⁾

¹⁾Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
ул. Большая Черемушkinsкая, 34, 117218, г. Москва, Россия

²⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Анализируются правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам генетической истории семьи и суррогатного материнства. Генетическая информация о человеке представляет собой особый вид персональных данных, требующий четкого и эффективного механизма правового регулирования, который обеспечил бы защиту такой информации от неправомерного сбора или использования. Авторами были сделаны выводы относительно сложившейся практики Конституционного Суда Российской Федерации в отмеченной области.

Ключевые слова: геном человека; генетические исследования; Конституционный Суд Российской Федерации; правовые позиции; законодательство; права человека.

Благодарность. Работа выполнена при поддержке грантов Российского фонда фундаментальных исследований № 18-29-14009 «Теория и практика правового регулирования статуса лиц, участвующих в научных исследованиях генома живых организмов, их прав и обязанностей, пределов юридической ответственности в России и зарубежных государствах», № 18-29-14100 «Состояние и перспективы правового регулирования и саморегулирования геномных исследований: национальный, зарубежный и международный опыт».

LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON GENETIC HISTORY OF THE FAMILY AND SURROGACY

E. V. ALIMOV^a, N. S. MALYUTIN^b

^aInstitute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cheryomushkinskaya Street, Moscow 117218, Russia

^bLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia
Corresponding author: N. S. Malyutin (n_malyutin@mail.ru)

This article is devoted to a general analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on issues of the family genetic history and surrogacy. Genetic information about a person is a special type of personal data

Образец цитирования:

Алимов ЭВ, Малютин НС. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам генетической истории семьи и суррогатного материнства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2020;3:30–37.

For citation:

Alimov EV, Malyutin NS. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on genetic history of the family and surrogacy. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2020;3:30–37. Russian.

Авторы:

Эмиль Ваизович Алимов – кандидат юридических наук; научный сотрудник отдела конституционного права.

Никита Сергеевич Малютин – кандидат юридических наук; доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета.

Authors:

Emil V. Alimov, PhD (law); researcher at the department of constitutional law.

emil.alimov@gmail.com

Nikita S. Malyutin, PhD (law); associate professor at the department of constitutional and municipal law, faculty of law.

n_malyutin@mail.ru

that requires a clear and effective legal regulation mechanism that would ensure the protection of such information from unlawful collection or use. The authors made conclusions regarding the current practice of the Constitutional Court of the Russian Federation in the noted area.

Keywords: human genome; genetic research; Constitutional Court of the Russian Federation; legal positions; legislation; human rights.

Acknowledgements. This work was supported by RFBR grants No. 18-29-14009 «Theory and practice of legal regulation of the status of persons participating in scientific research of the genome of living organisms, their rights and obligations, limits of legal liability in Russia and foreign countries», No. 18-29-14100 «State and prospects of legal regulation and self-regulation of genomic research: national, foreign and international experience».

Постановка проблемы

Исследование генома живых организмов открывает перед человечеством огромные перспективы в вопросах лечения и предупреждения ранее неизлечимых болезней, генного планирования семьи, биоинженерии, а также в ряде иных сфер общественной жизни [1, с. 158].

Вместе с тем проведение геномных исследований непосредственно затрагивает основные права человека (достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, охрана здоровья и др.). В такой ситуации необходимо уделять пристальное внимание их соблюдению и принятию соответствующих правовых актов [2]. Эта относительно новая сфера общественных отношений сочетает в себе как публичные, так и частные интересы. Так, например, генетический тест может предоставить сведения о возможных генетических предрасположенностях человека, в том числе о склонности к определенному заболеванию. Бесконтрольный доступ к такой информации может способствовать дискриминации по генетическому признаку, нарушению права на частную жизнь, врачебную, семейную тайну. Именно по этой причине анализ конституционно-правового регулирования указанного аспекта представляется первостепенно важным.

В первую очередь стоит выбрать подход к определению места генетической информации¹ в системе объектов конституционной защиты. Так, основываясь на законодательном регулировании, генетическая информация может быть отнесена к персональным данным (ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», п. 3 ст. 1 Федерального закона от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»). В свою очередь, конституционная основа защиты персональных данных чаще всего выводится из положений ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации, устанавливающей запрет на любые манипуляции

с информацией о частной жизни лица без его согласия [3, с. 237–239]. Стоит отметить, что подобный подход в целом соотносится с наиболее распространенными европейскими практиками².

Подобная постановка вопроса представляется крайне важной для определения пределов законодательного ограничения названных прав. Так, в частности, включение анализируемых прав в содержание так называемого информационного самоопределения (ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации) вызывает ряд вопросов с точки зрения системного истолкования указанных норм и положений ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации. Неслучайно Е. В. Тарибо в издании «Комментарий к Конституции Российской Федерации» отмечает, что права, перечисленные в ч. 3 ст. 56 (к числу которых относятся и права, закрепленные в ст. 24), имеют особое значение, а потому относятся к числу прав и свобод, не подлежащих ограничению [3, с. 511–512]. Подобное толкование позволяет сделать вывод о том, что законодательство не может устанавливать какие-либо специфические способы сбора, хранения, использования и распространения информации (в том числе генетической) без согласия лица.

В последнее время тема генома человека, проведения геномных исследований и т. п. получила развитие в научных трудах многих российских правоведов [4–6]. Вместе с тем, как представляется, отсутствие достаточного нормативного регулирования, в том числе по вопросу защиты геномной информации, способствует криминализации данных отношений, нарушению прав и свобод человека, недоверию общества к генетике и др. Очевидно, что в подобной ситуации нормативные подходы к данной категории требуют более серьезной проработки. В частности, немалое значение в этом процессе играет Конституционный Суд Российской Федерации.

¹Для целей настоящего исследования понятия «геномная информация» и «генетическая информация» рассматриваются как синонимичные.

²В частности, Федеральный конституционный суд ФРГ, рассуждая о природе конституционной защиты персональных данных (в число которых включает и так называемые генетические отпечатки), отмечал, что бесконтрольное использование генетической информации нарушает основное право граждан на информационное самоопределение, закрепленное в абз. 1 ст. 2 Основного закона ФРГ.

Основная часть

В ситуации недостаточного законодательного регулирования вопросов генома живых организмов, осуществления геномных исследований и др. представляется актуальным проанализировать правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по данной теме.

Так, оценивая возможность получения потомками усыновленного сведений об усыновлении после смерти усыновленного и усыновителей, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал ряд правовых позиций в сфере защиты персональных данных, семейной тайны, представляющих интерес в рамках заявленной темы исследования. В частности, подтверждается названный ранее подход, согласно которому Конституция Российской Федерации, гарантируя право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29), закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23) и не допускает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24). Из этого следует, что не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации, сопряженные с нарушением прав на неприкосновенность частной жизни, на личную и семейную тайну³. Однако далее, как представляется, Конституционный Суд Российской Федерации несколько отошел от буквального прочтения конституционных положений, в частности, закрепленных в ч. 3 ст. 56 Конституции Российской Федерации.

Анализируя возможность ограничения информационного самоопределения⁴, Конституционный Суд отметил, что реализация конституционного права на информацию, затрагивающую частную жизнь других лиц, возможна только в порядке, установленном законом, и что федеральный за-

конодатель правомочен определить законные способы получения такой информации. При этом Конституция Российской Федерации предполагает возможность установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе ограниченного свободного доступа к ней со стороны граждан⁵.

Таким образом, можно сделать вывод, что, формулируя данную позицию, Конституционный Суд Российской Федерации все же исходил из концепции правового регулирования названных отношений, которое в итоге направлено на расширение правомочий в рамках названного права до установленных конституционных пределов. Однако представляется, что такая формулировка не в полной мере отражает суть понятия «информационное самоопределение», поскольку переносит нагрузку содержательного наполнения данного права с самой личности на государство в лице федерального законодателя.

Не менее интересной представляется и позиция, в рамках которой Конституционный Суд Российской Федерации напомнил, что право на свободу информации, если им затрагиваются права личности, гарантированные ст. 23 и ст. 24 (ч. 1) Конституции Российской Федерации, осуществляется как ограничивающее указанные права личности. Они, в свою очередь, находятся под особой повышенной защитой Конституции Российской Федерации, и их ограничение требует наличия предусмотренных федеральным законом оснований и (или) допускается только по судебному решению, вынесенному в соответствии с этим федеральным законом.

Таким образом, можно констатировать, что единственным возможным и соответствующим Конституции Российской Федерации ограничением прав, закрепленных в ст. 24, является право на свободу информации (ч. 4 ст. 29) в той мере, в какой это вытекает из взаимосвязанного толкования

³По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гушиной : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 26. Ст. 3944.

⁴Здесь и далее данный термин будет использоваться для краткого наименования права, закрепленного в ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации.

⁵По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 февр. 2000 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 9. Ст. 1066 ; По жалобе гражданина Ковалева Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 12 мая 2003 г. № 173-О // Там же. 2003. № 27, ч. 2. Ст. 2872 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Глушкова Николая Петровича на нарушение его конституционных прав статьями 3, 5, 6 и 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьями 8 и 9 Федерального закона «О персональных данных» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 янв. 2009 г. № 3-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Багадурова Магомеда Магомедовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», статьей 10 Федерального закона «О персональных данных» и частью второй статьи 57 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 29 сент. 2011 г. № 1063-О-О [Электронный ресурс] // Там же.

указанных статей и ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации⁶. Подобное объяснение позволяет утверждать, что в данной ситуации Конституционный Суд Российской Федерации фактически выявляет конституционные пределы существования права на информационное самоопределение. При этом, говоря о содержательном наполнении данного права, упомянутый суд неоднократно отмечал, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера⁷. Более того, в ряде своих правовых позиций Конституционный Суд Российской Федерации последовательно развивал подходы Европейского суда по правам человека в этом вопросе, подчеркивая, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она носит непротивоправный характер⁸.

Соответственно, лишь само лицо вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне. При этом Конституционный Суд Российской Федерации отдельно подчеркивает, что сбор или распространение информации о частной жизни лица допускается лишь в предусмотренном законом порядке и только в отношении тех сведений, которые уже официально кому-либо доверены самим лицом. Данные сведения собраны в законном порядке, они хранятся, используются и могут распространяться. Иное сузило бы понятие частной жизни и объем гарантий ее защиты⁹, привело бы к произвольному, не основанному на законе вторжению в сферу частной жизни индивида, право на неприкосновенность которой гарантируется Конституцией Российской Федерации.

Фактически данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации ограничивает названные права, поскольку указывает на обязательное наличие двух кумулятивных условий:

1) сведения должны быть переданы самим лицом в законном порядке;

2) распространение сведений может осуществляться в соответствии с законом.

Справедливость данного предположения подтверждается в дальнейших рассуждениях суда, который отмечает, что вместе с тем осуществляемое законодателем правовое регулирование в сфере определения режима доступа к информации, к которой, помимо прочего, может относиться и генетическая информация, должно обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов всех участников конкретных правоотношений, а потому по смыслу ч. 2 ст. 7 и ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации (под их защитой находятся семья, материнство, отцовство и детство) в основе поиска баланса указанных конституционных ценностей при оценке соответствующих законодательных ограничений должен лежать именно принцип максимального обеспечения интересов семьи и всех ее членов. Таким образом, фактически возникает необходимость выполнять традиционные требования, предусмотренные для универсального правила ограничения конституционных прав, которое закреплено в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Подобная интерпретация права на информационное самоопределение (по сути, как права, предполагающего конституционно допустимые ограничения) и легла в основу позиции Конституционного Суда Российской Федерации о праве усыновленных лиц знать свое происхождение. В ситуациях усыновления сведения о происхождении ребенка (тайны имени и места рождения, а также другие обстоятельства), хотя они и имеют конфиденциальный характер, могут оказаться незаменимыми для воссоздания генетической истории семьи и выявления биологических связей, составляющих важную часть идентичности каждого человека, в частности, при необходимости выявления (диагностики) наследственных заболеваний, предотвращения браков с близкими кровными родственниками и т. д. В таких случаях речь идет об удовлетворении лицом определенного информационного интереса, который состоит в том, чтобы знать происхождение своих родителей, предков. Соответственно, юридическая возможность предоставления потомкам усыновленного лица информации, касающейся-

⁶См., например: По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. В. Капорина, И. В. Коршуна и других : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 31 марта 2011 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 15. Ст. 2191.

⁷Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усенко Дмитрия Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 26 янв. 2010 г. № 158-О-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

⁸Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

⁹Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 28 июня 2012 г. № 1253-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

ся усыновления, после его смерти (при отсутствии высказанной при жизни его усыновителями воли на раскрытие тайны усыновления) не может рассматриваться как не имеющая необходимого конституционного обоснования.

Конституционный Суд Российской Федерации также отмечает, что, будучи направленной на обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, реализация данной возможности не только способна внести определенность в имеющие длящийся характер отношения членов семьи усыновленного и его усыновителей, а также их потомков, но и позволяет оценить целесообразность дальнейшего сохранения тайны усыновления с учетом необходимости соблюдать весь комплекс прав биологических родителей и членов их семьи (право на неприкосновенность частной жизни, права как субъектов персональных данных и пр.). Защите подлежит не только интерес потомков усыновленного в раскрытии этой тайны, а его особая, преимущественная защита могла бы создать предпосылки для нарушения баланса прав и обязанностей всех участников сложной системы правоотношений, сопровождающих процедуру усыновления.

Однако, как представляется, совершенно за пределами конституционного анализа остается содержание права на информационное самоопределение усыновителей. Суд не оценивает, происходит ли при такой интерпретации права на доступ к информации вторжение в право на информационное самоопределение, либо же в данном случае речь идет исключительно о некоем правомочии, реализуемом в установленных конституционных пределах, что, в свою очередь, делает в некоторой степени бессмысленным применение ограничительной клаузулы, о которой говорилось ранее.

Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что значимым средством обеспечения интересов семьи, материнства, отцовства, детства, как и конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, являются в настоящее время вспомогательные репродуктивные технологии¹⁰. Среди них методы лечения бесплодия, при применении которых все или отдельные этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма, в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных

органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства. Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (ч. 1 и ч. 2 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Осуществляя на основе предписаний ст. 7, ч. 1 ст. 38 и ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации и соответствующих международно-правовых обязательств Российской Федерации правовое регулирование в сфере использования репродуктивных технологий, включая суррогатное материнство (п. «в», «о» ст. 71; п. «б», «ж», «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации), законодатель обладает широкой свободой усмотрения в выборе мер защиты здоровья граждан, семьи, материнства, отцовства и детства, а также в определении условий и порядка их предоставления. Вместе с тем он связан требованиями Конституции Российской Федерации, которые обязывают его обеспечивать баланс между защищаемыми Основным Законом ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая при этом принципы справедливости, равенства и соразмерности, выступающие конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона.

Конституционный Суд Российской Федерации в отмеченных решениях резюмировал, что законодательно предусмотренное право суррогатной матери давать согласие на то, чтобы при государственной регистрации рождения ребенка его отцом и матерью были записаны генетические родители, подразумевает имеющуюся у нее возможность в акте о рождении ребенка записать себя его матерью, что фиксируется и в свидетельстве о рождении (ст. 14, 17, 23 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»). Это значит, что на женщину, родившую ребенка, распространяются права и обязанности матери (ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации). Указанная модель правового регулирования, не будучи единственно возможной, не выходит за пределы прерогатив полномочий федерального законодателя¹¹. При этом в очеред-

¹⁰Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

¹¹См., например: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 27 сент. 2018 г. № 2318-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020; «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О [Электронный ресурс] // Там же.

ной раз Конституционный Суд Российской Федерации уходит от прямого анализа принадлежности данного правомочия к конкретному конституционному праву, что в итоге может существенно повлиять на возможности законодательного вмешательства в названную сферу.

При этом, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в уже упомянутом Определении от 27 сентября 2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона “Об актах гражданского состояния”, если из материалов дела установлено, что суррогатная мать, отказываясь дать согласие на регистрацию истцов – генетических родителей в качестве отца и матери рожденных ею детей, злоупотребила своими правами, нарушив не только договор о суррогатном материнстве, заключенный между сторонами, но и причинив ущерб интересам детей, генетическими родителями которых являются истцы, это значит, что данные действия являются основанием для внесения изменений в книгу записей рождений.

Интерес представляют два особых мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации С. Д. Князева и Г. А. Гаджиева, несогласных с позицией названного суда¹².

Так, С. Д. Князев отметил, что, закрепляя исключительную прерогативу суррогатной матери в разрешении вопроса о наделении генетических (биологических) родителей материнскими и отцовскими правами, законодатель остается безучастным к интересам лиц, чьи половые клетки использовались для оплодотворения женщины, вынашивающей ребенка. Так появляется легальное основание для нарушения баланса конституционных ценностей и уменьшения объема прав и законных интересов не только генетических родителей, но и ребенка, рожденного в результате применения соответствующей вспомогательной репродуктивной технологии. С медико-биологической точ-

ки зрения рождение с использованием указанной технологии предполагает «соучастие» генетических родителей и суррогатной матери. Вследствие этого сами по себе вынашивание и роды не могут служить достаточным основанием для признания за последней неограниченной свободы усмотрения в определении обладателей родительских прав, а отказ суррогатной матери от исполнения своих обязательств перед лицами, являющимися биологическими родителями ребенка, не может перечеркнуть их «природных» прав. Кроме того, С. Д. Князев отметил, что в вопросе определения отцовства ребенка, рожденного суррогатной матерью, которая к тому же не состоит в браке, лишение генетического отца родительских прав исключительно по прихоти суррогатной матери оставляет открытым целый ряд вопросов.

Как указал Г. А. Гаджиев, в законодательстве отсутствует четкое определение понятия «мать» и российский законодатель считает, что важнейшим основанием возникновения родительских прав является беременность. Данная позиция базируется на гестационной теории, которая восходит к римскому праву, где существовал принцип *mater est quam gestation demonstrate* (мать определяется беременностью). С точки зрения медицины, происхождение человека определяется путем установления тождества генов, но в данном случае речь идет о возникновении родительских прав по отношению к ребенку. Г. А. Гаджиев также отметил, что нравственные страдания биологического отца и матери, лишенных возможности реализовать предусмотренный законом комплекс родительских прав в отношении ребенка, которого они не смогли зачать и родить естественным путем, считаются менее социально значимыми. Но существует также мнение, что биологическое родство определяется генетической связью и закрепление в законе приоритета суррогатной матери при установлении происхождения ребенка противоречит провозглашенному в ст. 38 Конституции Российской Федерации принципу охраны семьи, материнства, отцовства и детства.

Заключение

Следует отметить, что учет позиций Конституционного Суда Российской Федерации способствует развитию правоприменительной практики, позволяет определять пути совершенствования законодательства, которые должны быть направлены на защиту конституционных ценностей [7, с. 30–34].

Вместе с тем проведенный анализ сложившейся практики Конституционного Суда Российской Фе-

дерации по рассматриваемой проблеме позволяет сделать вывод, что используемые им подходы содержат в себе некое противоречие, которое, однако, едва ли вытекает из сущности интерпретируемых конституционных положений. Так, с одной стороны, Конституционный Суд Российской Федерации констатирует, что любые манипуляции с информацией о частной жизни лица не могут произ-

¹² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч. П. и Ч. Ю. на нарушение их конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 15 мая 2012 г. № 880-О [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс / ООО «ЮрСпектр». М., 2020.

водиться без его согласия (на основании ч. 1 ст. 24 Конституции Российской Федерации). Это, по сути, исключает любые формы государственного вмешательства, в том числе и все формы ограничения указанного права в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 55 Основного Закона Российской Федерации, в данную область общественных отношений.

С другой стороны, Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из необходимости установления баланса интересов, допускает возможность некоего внедрения в эту область, что выражается в многочисленных отсылках к федеральному законодателю и положениям ст. 55 Конституции Российской Федерации. При этом одним из базовых аргументов, обосновывающих такое вмешательство, Конституционный Суд Российской Федерации называет именно существование пределов информационного самоопределения.

Едва ли можно обвинять только суд в несколько запутанной аргументации, поскольку очевидным представляется тот факт, что сама специфика прав и свобод, имеющих информационное содержание, не позволяет однозначно интегрировать их в существующую конструкцию конституционного каталога прав и свобод, что представляется проблемой, требующей в первую очередь системной научной проработки, а также комплексной законодательной регламентации.

Кроме того, можно сделать и несколько более конкретных выводов по содержанию исследования:

1) актуальной проблемой до настоящего момента остается устранение множества правовых пробелов в области понимания генома человека, генетической информации, правовой регламентации организации и проведения генетических исследований и др. Одним из способов преодоления сложившейся ситуации является конкретизация положений действующего законодательства Российской Федерации в данной области, может ему способствовать Конституционный Суд Российской Федерации¹⁵;

2) Конституционный Суд Российской Федерации, косвенно признавая в ряде своих решений некоторые особенности общественных отношений, касающихся генома человека (по вопросам использования обязательной генетической экспертизы в части установления отцовства, регулирования отношений между суррогатной матерью и генетическими родителями), зачастую воздерживается от их содержательного конституционно-правового анализа. Вместе с тем активное развитие биотехнологий подразумевает необходимость нормативного регулирования новых общественных отношений, формирования соответствующей правоприменительной практики. В данном случае правовые позиции высшего суда – судебного органа конституционного контроля – являются во многом определяющими при формировании правоприменительной практики (в том числе судебной) и определении вектора дальнейшего развития российского законодательства;

3) Конституционный Суд Российской Федерации в целом уделил незначительное внимание важным прикладным вопросам защиты геномной информации и соответствующих законных интересов граждан. Так, например, отсутствует правовая определенность в вопросах о необходимости установления норм юридической ответственности за совершение неправомерных деяний в области проведения генетических исследований и применения их результатов. Таким образом, отмеченные общественные отношения фактически существуют в российской правовой системе в режиме, условно говоря, правового вакуума, когда, с одной стороны, предусмотрены некие конституционные основы и существует легальная практика применения данных процедур, но, с другой стороны, ряд важнейших правовых механизмов, прежде всего в области защиты прав участников геномных отношений в целом, не функционируют, отсутствует необходимая правоприменительная практика в первую очередь высших судов.

Библиографические ссылки

1. Васильев ГВ. Геномика. *Вавиловский журнал генетики и селекции*. 2014;18(1):158–165.
2. Alimov EV. Genomic research legal regulation system: experience of Russia and the USA. *RUDN Journal of Law*. 2019;23(4):546–564.
3. Зорькин ВД, редактор. *Комментарий к Конституции Российской Федерации*. Москва: Норма; 2013. 1040 с. Совместно с издательством «ИНФРА-М».

¹⁵См.: По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 и подпункта 1 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина Республики Корея Х. : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 20 окт. 2016 г. № 20-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 44. Ст. 6195 ; По делу о проверке конституционности части 1 статьи 157 Жилищного кодекса Российской Федерации, абзацев третьего и четвертого пункта 42(1) Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов в связи с жалобой гражданина С. Н. Деминца : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 10 июня 2018 г. № 30-П // Там же. 2018. № 30. Ст. 4808 ; По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У. М. Эркеновой : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 4 февр. 2019 г. № 8-П // Там же. 2019. № 7, ч. 2. Ст. 711.

4. Калиниченко ПА. Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия. *Lex russica (Русский закон)*. 2019;6:30–36. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.030-036.
5. Захарова МВ. Конституции о геномных исследованиях: взгляд России и Швейцарии. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019;4:101–107. DOI: 10.17803/12311-5998.2019.56.4.101-107.
6. Крысенкова НБ, Чурсина ТИ. Правовое регулирование геномных исследований в зарубежных странах. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019;5:140–153.
7. Лазарев ВВ, Гаджиев ХИ, Алимов ЭВ, Алимova ДР, Грачева СА, Долова МО и др. *Защита данных: научно-практический комментарий к судебной практике*. Москва: Юридическая фирма «Контракт»; 2020. 176 с.

References

1. Vasil'ev GV. [Genomics]. *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*. 2014;18(1):158–165. Russian.
2. Alimov EV. Genomic research legal regulation system: experience of Russia and the USA. *RUDN Journal of Law*. 2019;23(4):546–564.
3. Zor'kin VD, editor. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Norma; 2013. 1040 p. Co-published by «INFRA-M». Russian.
4. Kalinichenko PA. Development of court practice in cases involving human genomics: world experience and Russia. *Lex Russica*. 2019;6:30–36. Russian. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.030-036.
5. Zakharova MV. The constitution on genomic research: a view of Russia and Switzerland. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*. 2019;4:101–107. Russian. DOI: 10.17803/12311-5998.2019.56.4.101-107.
6. Krysenkova NB, Chursina TI. Legal regulation of genomic research in foreign countries. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2019;5:140–153. Russian.
7. Lazarev VV, Gadzhiev KhI, Alimov EV, Alimova DR, Gracheva SA, Dolova MO, etc. *Zashchita dannykh: nauchno-prakticheskii kommentarii k sudebnoi praktike* [Data protection: scientific and practical commentary on judicial practice]. Moscow: Yuridicheskaya firma «Kontrakt»; 2020. 176 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.07.2020.
Received by editorial board 10.07.2020.